

18+

РОМАН ВТОРОЙ
В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ
Книга первая

Николай Rostov

СИМЕОН СЕНАТСКИЙ
И ЕГО ИСТОРИЯ
АЛЕКСАНДРОВА ЦАРСТВОВАНИЯ

Подлинная история России

Николай Rostov
Симеон Сенатский и его
история Александрова
царствования. Роман второй в
четырёх книгах. Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47410631
ISBN 9785005053947*

Аннотация

Передел истории страшней передела мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца – императора Павла I....После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою, так называемую, Историю Александрова царствования. Не верите? Прочтите этот роман – и тогда вы, наверное, поверите не только в это!

Содержание

Книга первая	5
Первый вопросительный знак государя	12
Глава первая – сон сотый – последний	22
Сон третий, от Беса	27
Сон четырнадцатый, от Беса	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Симеон Сенатский и его
история Александрова
царствования
Роман второй в четырёх
книгах. Книга первая**

Николай Rostov

Корректор ЛитРес: Самиздат

© Николай Rostov, 2019

ISBN 978-5-0050-5394-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5395-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

**Предисловие к роману второму
серии**

**«Подлинная история России
от Великого царствования Павла I до наших дней,
или**

**История России Тушина Порфирия Петровича
в моем изложении»**

Прежде чем вы начнете читать мой роман второй, я хочу предупредить вас о некоторых странностях его¹. А странностей много, все и не упомнишь, поэтому сейчас скажу только о тех, которые вам сразу бросятся в глаза. Потом, по ходу дела, и о других странностях расскажу и по возможности попытаюсь если не объяснить, то, по крайней мере, оправдать – защитить, нет, не очередную странность, а роман, будто он и не роман вовсе, а человек.

Первая странность, из-за которой все остальные странности происходят: он написан мною во сне.

Если вы читали мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса», то помните, наверное, при каких обстоятельствах он стал мне сниться, а если же не читали, то я, конечно, рекомендую вам его прочесть, но необязательно сейчас. Существенной роли не играет, что прочтете сначала – первый мой роман или второй (подмечу тут же, это еще одна его странность). А не читавшим тот роман все же поясню, что роман второй стал мне сниться, когда Павел Петрович, «соавтор» мой, ввел меня в некий гипнотический транс – и в этом трансe он стал являться мне во сне. Вот это место

¹ И еще хочу предупредить, что все сноски и примечания, за редким исключением, в моем романе будут следовать, набранные курсивом, непосредственно за текстом, к которому они относятся. Это сделано исключительно для того, чтобы не затруднять ваше чтение. К тому же, как правило, их или вовсе пропускают, или прочитывают после прочтения всей страницы, а этого мне бы не хотелось, так как мои примечания играют, смею думать, наиважнейшую роль в моем романе.

из романа первого:

Думаю, что глава эта будет неполной, если не расскажу то, что видел во сне под колыбельно-сладкий треп Павла Петровича. Хочу рассказать вам сейчас же, пока этот сон не забыл! А видел я следующее.

Будто сижу за столом и пишу. И пишу помимо своей воли. Не хочу, а пишу. Словно кто-то моей рукой насильно водит. И вот что выводила моя рука:

Старец Симеон Сенатский лежал на каменном полу возле кровати, сжимая в правой руке нательный свой крест. Рубаха его была разодрана, и на пухлой его груди была выписана (крест-накрест, видно, ножиком полоснули) то ли наша русская буква «ха», то ли иностранная – «икс». След от ножа был бритвенно тонок, и крови почти не было. Невозможно было вообразить, что из-за этого он умер. А он, несомненно, был мертв.

Отец Паис склонился над ним и закрыл ему глаза. Ужаса в глазах у убитого старца не было. Ужас стоял в глазах у самого монаха, когда он закрывал ему глаза, будто спрашивал у него: «Кто следующий?»

Взгляд синих глаз убиенного старца был ясный, бездонный, словно в озере отражалось небо. А в келье было сумрачно. Горела всего одна свеча, а огонь в лампаде перед иконой в углу был потушен. Наверное, убийцей.

– Все в точности так же, ваше высокопреподобие, как и у первых, – сказал после некоторого раздумья отец Паис архимандриту Александру. – Что будем делать?

– Снесите тело на ледник, келью закройте. Государю я сам напишу, – ответил архимандрит и вышел из кельи.

Через неделю на столе у государя Николая I лежало письмо от настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Александра.

– Какое мне дело, как убиты эти трое монахов? – строго выговаривал государь то ли настоятелю, который во всех подробностях описал «происшествие» в его монастыре, то ли Александру Христофоровичу Бенкендорфу. – Мой брат убит! Разберитесь.

– Уже разбираемся, ваше величество, – ответил Александр Христофорович, шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. – Но смею заметить, письмо архимандрита Александра и список тех лиц, который он к письму приложил, наводит на некоторое сомнение!

– Какое же?

– Видите ли, ваше величество, письмо и список разной рукой написаны. К тому же в этом списке три лица вам, ваше величество, хорошо известные. Это – Пор-

фирий Петрович Тушин, Бутурлин Василий Васильевич и его жена Бутурлина Евгения Александровна.

– Вы думаете?

– Я лишь предполагаю, ваше величество, что они подозрительно вовремя там оказались. И ещё, ваше величество!.. Составитель этого списка уж больно явно из всех богомольцев их выделил. Жену Бутурлина он под ее девичьей фамилией – Жаннет Моне – занес. Всех прочих в алфавитном порядке перечислил, а их скопом... после буквы «ха».

– Кому вы поручили это дело?

– Князю Ростову Павлу Петровичу.

– Не тому ли Ростову, что на Марии Балконской женат? Он, кажется, и в том деле участвовал? Батюшка мой покойный тогда ему еще фамилию смешную дал... чирикающую!..

И позже, когда я расстался с Павлом Петровичем, моя рука выводила глава романа.

Но были и другие сны.

Зримо я видел, будто наяву, события, происходящие в романе. Проснувшись, я тут же, как мог, их описывал.

Но было и другое.

Я просыпался вдруг посреди ночи, и прерванный сон – его продолжение – начинал кто-то мне насильно нашептывать. И я, разумеется, записывал этот «шепот», а потом в роман свой вставлял.

Само собой, сны мои снились мне – как им заблагорассудится.

Может быть, логика в их очередности и была какая, но только им одним понятная, поэтому когда из них стал выстраивать свой роман, то выстроил не так, как они себя выстроили вольно, а построил в строгий, по возможности, конечно, строй; но все-таки их вольный строй пронумеровал на всякий случай (вдруг кто поймет, почему они в такой очередности мне снились?) – и после номера главы указывал номер сна, которому эта глава была «обязана».

Иногда я еще уточнял характер этого сна и где он мне приснился. Хотя, конечно, это последнее уточнение, наверное, лишнее. Но кто его знает – лишнее ли?

Сразу же хочу заметить, что на место событий своего романа второго не выезжал. Думаю, читавшие мой роман первый согласятся со мной, что это существенное замечание.

Было, и очень сильное, желание туда съездить, но уж больно кровавые и страшные события в Соловецком монастыре произошли, чтобы там сны эти смотреть – да еще в белые ночи.

Ведь эти ночи сущее наваждение! Кто просыпался вдруг посреди этой ночи, тот меня поймет.

Этот неотрывный взгляд северного солнца – косматый белый шар над горизонтом, будто бельмо на глазу, словно незрячий взгляд убийцы, который шарит по сторонам, словно руками, – и невозможно от его взгляда и рук увернуться.

А за горизонт на мгновение спрячется – на белом небе такое оставит, что жуть берет. Словно убийца об свою рубаху руку от крови чужой обтер – или из озорства своего разбойного всей пятерней кровью по белой стене мазанул – след свой, метку свою на память живым оставил. Мол, не сомневайтесь, и за вами приду.

Первый вопросительный знак государя

Сей монастырь бастионным гранитом стоит непоколебимо посреди Белого моря – и будет так стоять вечно, если мы не применим другие средства.

Наша безуспешная попытка в известный вам год взять его с моря двумя нашими фрегатами «Бриск» и «Миранда» тому подтверждение.

Какие же это другие средства, спросите вы меня? Отвечу: средство одно, тем более, милорд, что иных средств у нас уже нет.

Как тогда, так и сейчас я предлагаю разыграть карту старца Симеона – сына императора Павла. Пусть сын ответит за отца, принесшего столько несчастий нашей бедной Англии².

Еще не поздно. Мой человек все еще там.

Более подробно, как взять изнутри не только этот монастырь, но и Россию, я расскажу вам при личной встрече.

Ваш L.

Сие послание (фотокопия) было мне предоставлено од-

² Да уж, Англии досталось от Павла I! После славной победы нашего непобедимого Александра Васильевича Суворова под Константинополем над турками и Британским флотом с легкостью необычайной русские и французские войска овладели надменным Альбионом. И с 1806 года Англия, как это было оговорено в Мальтийском договоре, находилась под двойным протекторатом России и Франции.

ним из читателей моего романа первого.

Оно было, разумеется, зашифровано. Расшифровал мне его, а потом перевел с английского на русский один мой приятель (имени называть не буду по вполне понятным соображениям).

Интересны были пометки, точнее – резолюции на этом послании.

Первая:

Принять надлежащие меры для выяснения и пресечения! Никого не щадить. Даже его.

Павел.

И вторая резолюция:

К пресечению и выявлению привлечь «французенку». Заодно и свои грехи старые в монастыре замолит.

Р.

Меня очень интересовало, в каком году это послание было перехвачено, но, к сожалению, никаких дат там не было. Потом вы поймете это мое любопытство.

А Порфирию Петровичу виделась-грезилась зимняя Сенатская площадь в Санкт-Петербурге в мельчайших подробностях, хотя в Петербурге он отродясь не был.

Шпалерами, побатальонно, стояли на этой площади

гвардейские войска.

Бунтовали!

Но бунтовали они не против нынешнего, Павла I, императора, а против его сына – императора Николая Павловича.

– Полковник Тушин, – кричал на Порфирия Петровича император, – что вы медлите?

– Государь, – бесстрашно отвечал только что произведенный в полковники капитан артиллерии в отставке, – еще не все бунтовщики подошли. Видите, – указал он рукой на идущих мимо них преображенцев, – сейчас они, голубчики, каре свое на площади выстроят, тогда мы по ним картечью и жажнем.

– Благодарю за службу, генерал Тушин! – обнял за плечи Порфирия Петровича император, когда первые же залпы картечи сдули с площади гвардейских бунтовщиков в черную полынью Невы.

Николай Rostov. Фельдъегерь генералиссимуса

Цитату для этого эпиграфа взял из своего романа первого и хочу тут же внести ясность насчет своего, точнее – нашего псевдонима для тех, кто этот роман не читал. Писал я его, мягко говоря, вместе с Павлом Петровичем – и он мне довольно прозрачно намекнул, какая фамилия должна быть у нас. Сейчас вроде бы этот роман пишу без его «деятельного» участия – и казалось бы, имею полное право указать подлинную свою фамилию или взять новый псевдоним. Но я от этого отказался и оставил все как есть. Соображений и причин много, почему так поступил. Не буду ими

занимать ваше внимание и тратить ваше время. Лишь хочу напомнить, что написал в предисловии к роману первому о тех событиях, к описанию которых в этом романе приступаю.

Итак, еще один эпиграф к роману.

Передел Истории страшной передела Мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, – в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца – императора Павла I.

...После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою так называемую «Историю Александрова царствования».

Что из этого вышло, всем хорошо известно.

Подлинная История России разошлась на анекдоты, как вчерашняя газета – на самокрутки.

С документальной точностью уже доказано, что эти события произошли на тринадцать лет раньше, т. е. в 1812 году, но я оставил прежний год, так как у широкой публики двенадцатый год ассоциируется с другими событиями. Не буду говорить, произошли эти другие события на самом деле или были мистифицированы? Отошлю к моему роману второму «Симеон Сенатский и его История Александрова царствования». Те же герои, но в еще

более невообразимых обстоятельствах!

Николай Rostov. Фельдъегеря генералиссимуса

И вот я наконец приступаю к описанию этих невообразимых обстоятельств, которые произошли, предположительно, в 1815 году, через три года после гвардейского бунта на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

Но прежде еще один эпиграф, наверное, наиглавнейший!

...Что же касается Ваших снов, что приснились Вам во дворце князя Ростова, то это, как говорится, бес Вас путал. Не так все было на самом деле. И с князем Ростовым разговор совсем о другом у нас был. Я ему будущее его приоткрыл: что произойдет с ним и с соловецкими монахами в 1815 году. Так что изымите эти сны из своего романа второго «Симеон Сенатский и его История Александра царствования».

Ваш Порфирий Петрович Тушин.

Соловецкий монастырь, 17 августа 1834 года³.

Письмо это я получил в самый разгар своих снов и написания этого романа, и мне было весьма непросто выполнить волю нашего Великого Пророка: изъять чуть не треть снов. И все же, поразмыслив, изъял. Может быть, со временем их опубликую в Интернете. Но некоторые сны сможете в этом романе прочесть. Я только пометочку буду делать: «сны от Беса».

³ Полностью это письмо опубликовано в послесловии к моему роману первому «Фельдъегеря генералиссимуса».

А насчет этого эпиграфа, мне кажется, я погорячился: не последний он и не наиглавнейший. Вот этот эпиграф, пожалуй, посильнее будет!

Природа пророчеств весьма темна и туманна; и кто ее пытается объяснить научно – шарлатан или неуч! И не приведи господи знать будущее. Ведь не в силах наших там что-то изменить, поправить.

И кто наградил меня сим даром? Не турецкое же ядро?!

П. П. Тушин. Тетрадь за номером два (1807—1817).

Думаю, что дорогие мои читатели согласятся с этим утверждением нашего Великого Пророка. Замечу только, что в клеенчатой тетрадке за номером три я нашел его научный трактат «Пророчества – артиллерия Времени». Что в сем трактате он написал, затрудняюсь ответить. Сплошная кабалистика формул, расчетов и прочих научных штук. Одним словом, артиллерийская математика.

В ней мой «великий» физик Васька попытался разобраться, но не смог. «Да, – сказал он мне, – подиутил над всеми нами твой Петрович! Поди, ему этот трактат кто-то из математиков следующего тысячелетия накропал. – И добавил восхищенно: – Далеко ушли, черти! Рад за них».

Тетради эти до сих пор не опубликованы, но переговоры с издательствами я уже веду. Есть, правда, закавыка. Объявились «родственники» отставного капитана, о чем я заранее был предупрежден Порфирием Петровичем. Вот с ни-

ми сейчас разбираюсь. Когда мы придем к взаимному согласию, тогда и увидят свет эти уникальные документы, но, к сожалению, не все. С некоторых до сих пор не снят гриф «совершенной секретности». Тетрадь за номером два как раз из их числа.

И для не читавших мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса», чтобы и им было понятно, кто такой Порфирий Петрович Тушин и причем тут турецкое ядро, публикую начало своего первого романа. Введу, так сказать, тех, кто не знает, в подлинный курс Истории нашего Отечества!

Александр Николаевич Бенуа. «Парад при Павле I». 1907

12 марта 1801 года

Лишь мгновение колебались на весах Судьбы чаши Жизни и Смерти. В спальню ворвался конногвардейский полковник Саблуков.

Беннегсена он ударил пудовым кулаком в грудь, и тот, выронив шпагу на пол, упал замертво. Братьев Зубовых схватил за уши (Платона – за левое ухо, а Николая – за правое) и принудил встать их передо мной на колени; потом он их

отшвырнул в угол.

Остальные заговорщики пришли в себя и ошетинились шпагами. Полковник Саблуков снял со стены алебарду и, как оглоблей, прошелся по ним.

Мне показалось, что он обращается с ними, как с разбойниками. Такими они, в сущности, и были, раз подняли руку на своего государя.

В спальню вбежали его молодцы-конногвардейцы. «Сир, – сказал мне тогда полковник, – вам необходимо показаться войскам». Я в горячке было пошел за ним, но остановился. «В ночной рубашке, – улыбнулся я ему, – и босым?»

Кто-то из его молодцов одолжил мне свой мундир. В этом мундире я и предстал перед своими верными войсками.

Они стояли побатальонно и троекратным ура встретили наше появление на крыльце.

«Вы спасли от смерти не только меня, своего государя! – сказал я полковнику со слезами на глазах. – Вы спасли Россию!»

Три дня ликовал Петербург по случаю моего счастливого избавления от смерти.

Дневник Павла I. (Перевод с французского А. С. Пушкина.)

Подлинность этого дневника до сих пор оспаривается, точнее – оспаривается авторство императора Павла I на том основании, что оригинал до сих пор не найден, а есть

только пушкинский его перевод. Мол, сам Пушкин его и сочинил, правда, на основании событий той мартовской ночи, – и выдал за дневник Павла I. Но, по большому счету, это не имеет никакого значения, так как подлинность тех событий неоспорима.

Порфирий Петрович Тушин в отставку вышел по болезни в чине артиллерийского капитана.

Болезнь приключилась после контузии.

Турецкое ядро ударило ему под ноги и перелетело через его голову; он опрокинулся на спину и сильно ударился затылком о землю.

Очнулся он только на следующий день в лазарете.

Болезнь его была престранная. Порфирий Петрович вдруг ни с того ни с сего впадал в немое оцепенение – и стоял этакой античной статуей минут пять, а то и больше.

Разумеется, он не видел и не слышал, что происходило вокруг него в тот момент. Другие картины клубились в его больной голове. Поначалу он чуть не сошел из-за них с ума, но потом к ним привык и даже стал извлекать для себя пользу...

Какую пользу извлекал наш Великий Пророк, читавшие мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса» знают, а не читавшие, думаю, догадываются, какую пользу извлекал Порфирий Петрович Тушин из своих пророческих приступов.

Глава первая – сон сотый – последний

«История Александрова царствования» была впервые опубликована в Голландии в 1814 году анонимно. Правда, в предисловии от издателя, господина Ван Гротена, было написано, что рукопись сия на французском языке прислана была из России неким монахом Соловецкого монастыря.

Сведущим людям хватило и одного этого, довольно грубого и неуклюжего, намека (автор из России – монах Соловецкого монастыря), чтобы сразу раскрыть автора этой, с вашего позволения, пресловутой и лживой до глумливой дерзости Истории нашего Отечества! Автор – сын императора Павла I и брат императора Николая I – старец Симеон Сенатский.

Сия «История» была издана неслыханным для того времени тиражом – сотысячным – и разошлась мгновенно.

Скандал разразился грандиозный!

Голландскому посланнику в России барону Геккерену устно графом Бенкендорфом было заявлено (вручить ноту по сему делу не сочли нужным), что ежели сия «пидаристическая» брошюра не будет запрещена, а тираж не уничтожен, то Россия примет сама надлежащие меры.

Посланник было возразил, что тираж весь разошелся.

«Господин граф! – воскликнул он при этом

патетически и опраметчиво. – Тираж весь на руках – как его теперь уничтожишь?» – «Что ж, – тонко улыбнулся Александр Христофорович, – видно, придется вас проучить, показать, как это делается!» – «Тогда вам придется пол-Европы!⁴..» – вскричал голландский посланник и тут же дипломатично замолчал – не стал говорить, что пол-Европы придется проучить – выпороть, что ли? – или уничтожить. «А вот это не ваша забота, господин барон, – возразил ему тотчас Бенкендорф. – Без вас справимся!» И указал голландскому посланнику на дверь.

Тут же были созданы две секретные комиссии: первая – для выяснения всех обстоятельств публикации сей брошюрки в Голландии (она незамедлительно отбыла за границу в Женеву, где жил издатель господин Ван Гротен); вторая же комиссия занялась разбирательством этого дела в России.

Состав этих комиссий до сих пор не известен. Секретность была высочайшая.

До широкой публики доходили лишь отголоски их деятельности.

Ван Гротен скоропостижно скончался.

От насморка умер, как тогда шутили, – задохнулся. А ангиной он еще до приезда

⁴ Голландский посланник преувеличил: какие «пол-Европы»? Голландия, Швейцария – да, кажется, Дания и Швеция. Все остальное под монаршей рукой нашего государя императора и Наполеона – точнехонько по черте, что прутиком в 1802 году на мальтийском песке была ими прочерчена (см. предисловие к моему роману первому «Фельдгегеря генералиссимуса»).

нашей комиссии предусмотрительно заболел. Вот и задохнулся: насморк нос заложил, а ангина все горло обложила. Ни вздохнуть, раздражались хохотом «шутники» наши, ни пер... И в этом хохоте тонULO последнее их слово, но все отлично понимали, что за слово «задушили» шутники своим хохотом.

Смехом дела второй комиссии не комментировали. Девять, кажется, жизней унесло то дело – и старца Симеона Сенатского в том числе. Думаю, понимаете – не до смеха.

Сама ли этому комиссия «способствовала», не знаю! Уверен, что не она. Туда еще другая комиссия нагрянула, когда начались убийства в монастыре.

Нашли ли убийцу?

И если нашли, то кто он?

Старец ли Симеон Сенатский автор этой «Истории»?

Как говорится, бог весть!

В. О. Ключевский. Из неопубликованного. М., 1901 г. С. 126

В романе первом я высказал сомнение в подлинности этой книги нашего знаменитого историка. Я так прямо и написал, когда, используя в качестве эпиграфа одну цитату из этой книги, присовокупил свой комментарий к ней:

Точно Чичиков фамилию историка не помнил, запомнил. Думаю, специально запомнил. Скажу даже больше.

Сам он это и сочинил! Перечитайте Ключевского – не найдете. Правда, в подтверждение как бы этого эпиграфа он мне эту книжку на следующий день принес, но в руки не дал. «Читайте, – крикнул он мне и открыл ее на нужной странице, – если мне не верите!» Я прочел – и тут же эта книга растворилась в воздухе.

Теперь я другую цитату из этой книги выдернул. Почему, спросите вы меня? Поверил, что все-таки эта книга подлинник, а не фальшивка? Отвечу на все ваши вопросы без утайки. До сих пор не знаю: подлинник или фальшивка.

Но вот ведь какая история с этой книгой вышла. Я вам ее сейчас во всех подробностях расскажу. И расскажу исключительно потому, что они, подробности, непосредственно к нашему делу касательство имеют.

Итак.

Во-первых, эту книгу Ключевского Павел Петрович Чичиков (в скобках замечу, он же – князь R) на память мне подарил – и стоит она теперь на моей книжной полке, тисненым золотом на кожаном переплете сияет:

В. О. Ключевский
Из неопубликованного

Тот ли этот В. О. Ключевский, не мне судить. Павел Петрович утверждал, что именно тот.

Во-вторых, разговор уж больно между нами занятный произошел, когда он эту книгу мне вручил.

– Владейте, – сказал он с воодушевлением. – Просвещайтесь. И смотрите, не потеряйте. Она в одном-единственном экземпляре отпечатана. От сердца, можно сказать, отрываю, но вам она нужней. Из нее вы столько цитат для своих романов надергаете, что... – оборвал он себя на полуслове и захохотал. Нахохотавшись, заговорил серьезно: – Да, чуть не забыл. Откройте страницу сто двадцать шестую и прочтите. – Я прочел.

– Что, – воскликнул он победно, – хорош эпиграф для вашего сна третьего! – Я недоуменно посмотрел на него: сон свой третий я еще не видел, да что – третий! – я еще первых двух снов своих не видел.

– Увидите, я вам обещаю, – тут же заверил он меня ласково и лукаво. – И вот что я вам скажу. Когда вы сон свой этот увидите – и проснетесь в холодном поту, разговаривать нам с вами об этом будет некогда.

Действительно, разговаривать нам было некогда – да и ни к чему. Сон свой третий я увидел, пребывая в кошмарном бреду, когда он меня из коляски выбросил, и, разумеется, сон этот от Беса в роман мой не войдет. А впрочем, почему бы мне его здесь не привести? Но эпиграф к этому сну я другой присовокуплю, тыняновский.

Сон третий, от Беса

*Случайный путешественник-француз,
пораженный устройством русского механизма,
писал о нем: «Империя каталогов», и добавлял:
«блестящих»...*

И были пустоты.

*За пустотами мало кто разглядел, что кровь
отлила от порхающих, как шпага ломких отцов,
что кровь века переместилась.*

Юрий Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара

В тыняновском романе, явно списанном с «Истории Александра царствования», еще и другие слова были, объясняющие, из-за чего это вдруг эти пустоты образовались – и что это за отцы порхающие, ломкие – как шпага, и почему кровь от них отлила?

С места, что называется, в карьер Тынянов свой роман начал.

На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался вдруг хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей...

Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лососинами щек, го-

товые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга.

Под присмотром этой небесной, бенкендорфской, немоты и вошел Павел Петрович в кабинет к государю с той порхающей походкой людей, чей век кончился на той холодной зимней площади, нет, не в двадцать пятом году, а на тринадцать лет раньше – в тысяча восемьсот двенадцатом.

Государь смотрел в окно на Неву.

– Ваше величество! – сказал Павел Петрович громко и отчетливо.

– Я вас слушаю, князь, – ответил Николай I, не поворачивая головы, – говорите.

– Говорить? – переспросил Павел Петрович и замолчал. Голос его, когда он переспросил государя, неожиданно и удивленно дрогнул (неожиданно ли?) – и потому насмешливо. И вот эту свою насмешку и удивление (не с вашим же затылком мне говорить?!) он передал своему молчанию: пусть оно говорит с затылком императорским, а меня увольте!

– Я слушаю, – не выдержал паузы император, которую ему устроил Павел Петрович, но воли своему гневу не дал – улыбнулся: – Говорите, князь.

Но Павел Петрович медлил говорить.

Императору шел девятнадцатый год – и те три года императорской жизни его еще не «испортили» – и, к сожалению,

ничему не научили. «И не научат, — подумал Павел Петрович, — если в советчиках такие, как граф Большов и этот остзейский немец Бенкендорф. Ишь, как выкатил на меня свои белесые глазища от гнева. Ничего, сейчас мы их притушим».

— Видите ли, ваше величество, — заговорил, наконец, Павел Петрович, — то, о чем я хочу вам сказать, третьей пары глаз терпеть не могут! — И он дерзко и сочувственно посмотрел на Бенкендорфа.

— Александр Христофорович, оставьте нас, пожалуйста, — сказал как можно любезнее государь и добавил: — Что поделаешь? — И развел руками: — Князь старой выучки.

— Именно! — неожиданно с восторгом подхватил мысль государя императора Павел Петрович. — Старой выучки. Выучки нашего покойного императора — вашего отца, ваше величество! — возвысил он свой голос до небес, но в тоне его голоса горошиной прокатилась некая скоморошья насмешливость. Правда, все так давно привыкли к его этой манере разговаривать, что даже Бенкендорф не уловил этот смешок, горошиной бившийся у Павла Петровича в горле.

И только этот остзейский немец вышел из кабинета, как Павел Петрович заговорил без этой насмешливой горошины в голосе:

— Ваше величество, прошу заранее прощения за мою дерзость, — сказал он спокойно — и в то же время не без трепета, — но я бы хотел предостеречь через вас графа Мефодия Кирилловича Большова. При всем моем уважении к нему,

к его большому уму, я обязан сказать, что он будет последним дураком, если займется кладоискательством в монастыре. Ни к чему хорошему поиски его не приведут! Сундук он князя Ростова все равно не найдет, а вот дел таких натворит, что всем тошно станет. И прошу еще передать ему, ваше величество...

– Да с чего вы взяли, князь, – перебил его государь, – что за этим он в монастырь отправляется?

– Должность у меня такая, ваше величество, все знать! – ответил с достоинством Павел Петрович. – Покойный император – Павел Петрович, царствие ему небесное, выучил. – И продолжил сухо: – Поверьте мне на слово, ваше величество, он своим поиском такие силы небесные на нас всех может накликать, что честно скажу: я свои меры уже принял – и приму вплоть до крайних, чтобы он об этом сундучке князя Ростова и думать забыл. И полагаю, что и князь Ростов свои меры принял. Не дай бог, ваше величество, если граф своей глупостью на спусковой крючок сего механизма князя Ростова нажмет. Перемолотит графа – и всех, кто ему под руку попадется.

– А откуда вы это знаете, князь? Или опять общей фразой отделаетесь?

– Нет, не отделаюсь, ваше величество! – воскликнул Павел Петрович. – Последнее, что мне князь Николай Андреевич перед смертью своей сказал: «Павлуша, передай всем, что если кто вздумает мой сундук искать, метку от меня с то-

го света получит. А тех монахов числом девять будет. Так вот, Павлуша, кто будет искать... не из их числа».

– Страсти какие вы, князь, рассказываете, – засмеялся император.

– Что ж, ваше величество, – тяжело вздохнул Павел Петрович, – я предупредил. – И добавил: – Полагаю, что недолго нам осталось ждать скорбных вестей из монастыря.

Вот такой сон мне приснился. И продолжим описание прерванного моего разговора с Павлом Петровичем.

Итак, он мне заявил пренагло, что когда я свой этот сон увижу – и проснусь в холодном поту, разговаривать с ним мне будет некогда, поэтому он желает сообщить мне сейчас следующее. На мгновение он замолчал – сделал легкую ораторскую паузу и заговорил вдохновенно:

– Кто написал «Историю Александра царствования», я вам говорить не буду. Вопрос, сами понимаете, пустой и, я бы сказал, праздный. Мы с вами хорошо знаем – кто. Князь Ростов Николай Андреевич. И для сведущих людей, как выразился господин историк, секрета не было, кто автор этой «Истории». Полное ее название – «История Александра царствования, написанная на досуге князем Николаем Андреевичем Ростовым в назидание потомкам и Павлушке». Думаю, понимаете, кому в назидание написал князь свою «Историю»? Государю императору Павлу Петровичу! В 1803 году он ее написал и приказал своему секретарю перевести с русского на немецкий и этот перевод отослать го-

сударю, что и было сделано. Возмущился ли государь? Нет, не возмущился – посмеялся только. Тогда же секретарем князя был сделан французский перевод. Отослан ли был сей перевод императору Франции, спросите вы меня? Думаю, отослан, но точно утверждать не могу. А на следующий ваш вопрос – зачем он ее написал, отвечу, как всегда, на такие вопросы отвечаю: не знаю. На ваш пятый, если не сбился со счета, вопрос – как попала сия рукопись его исторического трактата, с которой были сделаны те переводы, к соловецким монахам – и попала ли вообще? – вам самому придется ответить, точнее – один из ваших снов на этот вопрос, надеюсь, ответит. Теперь насчет этих двух комиссий. Что шутники наши о смерти голландского издателя шутили, почти правда. Но думаю, если бы они знали, сколько там еще людей насморком этим «заболели», то смех бы свой непременно притушили, а то и вовсе в одно свое место засунули, чтобы и им, шутникам, ни вздохнуть и ни выдохнуть. Спросите, откуда знаю? Отвечу. Те две комиссии под моим патронажем находились. Состав первой, заграничной, я вам не скажу. Ни к чему вам знать – да и опасно. Когда будете писать свой роман третий «Русский Бомарше, или Почему граф Лев Толстой Мир с Войной местами поменял!», вспомните наш разговор и поймете: почему опасно. А вот состав второй комиссии назову. Назову потому, что из своего второго сна сами узнаете, да и секрета особенного нет. Комиссия состояла из двух человек. Председатель – сена-

тор граф Большов Мефодий Кириллович. Технический секретарь – драгунский полковник Марков. Вот, пожалуй, и все, что должно пока вам знать. Хотя нет. Я кое-что упустил. Впрочем, не буду засорять ваши мозги мелочами.

– А в спецучебнике генерала Келера об этом есть что-нибудь?

– Келера? – взметнул брови Павел Петрович. – Генерала? Не путаете? Нет? – И после весьма продолжительной и красноречивой паузы с таким глубоким подтекстом, что у меня дух захватило (что он в этом подтексте спрятал, я из своего тринадцатого сна узнал), добавил: – Сего генерала я не знаю – и учебник его не читал.

А у Келера обо всем этом я вычитал следующее:

В «Богомолье на Соловках» приняли деятельное участие граф Большов и князь Р. Пикантность придали они ему «превеселую»! Но одержал ли князь в этом деле свою очередную победу, не ведаю. О графе и речи нет. Три вопросительных знака поставил на отчете князя государь.

???

Что этим он, наш император, хотел сказать?

Три своих вопросительных знака и я поставлю.

???

Оригиналом, скажу я вам, был этот генерал. Несомнен-

но, уроки этой «оригинальности» он у Павла Петровича брал.

Несомненно!

Превесело!

Граф М. К. Большойов

Я, наверное, дорогие мои читатели, утомил вас своими комментариями и эпиграфами, но, сами понимаете, без них никак не обойтись, когда открываешь неизвестные страницы российской Истории. Вот и о графе Большове никто ничего не знает. А ведь знаменитейшая историческая личность, сравниваемая разве что с Потемкиным или Суворовым.

Почему такое случилось, почему имя его предано забвению, вычеркнуто, вымарано, будто он и не жил вовсе, я сейчас писать не буду. Скажу лишь следующее.

Граф Мефодий Кириллович Большойов был человеком мудрым.

Мудрость, как известно, не дается с рождения, а благоприобретается с почтенными годами и, чего греха таить, с большими чинами.

Но бывает и так, что и в чинах значительных, и в летах, а дурак! Так что должно быть еще нечто такое в человеке, чтобы это благо приобрести. И скажу сразу, что у Мефодия Кирилловича это нечто было: его острый и глубокий ум.

Но вот что удивительно, он не был дан ему с рождения, а тоже благоприобретен. И приобрел он его, усвоив к годам тридцати одно нехитрое правило: говори всегда по де-

лу и к месту – и не просто говори, а найди одно-единственное верное словечко и только им одним пользуйся, – и будешь слыть за человека умного, а потом, с возрастом, поднабравшись опытности и мудрости, действительно умным станешь.

И найдя это словечко – годное, так сказать, на все случаи жизни, и научившись его вовремя и к месту – и потому по делу произносить, он сделал стремительную карьеру при матушке императрице Екатерине Великой (она ценила людей ловкого и деятельного ума, коим он в ту пору слыл); а при ее сыне, императоре Павле Петровиче, он не впал в царскую немилость, как случилось почти со всеми людьми екатерининского века, а еще более возвысился, чем и доказал всем, что он действительно человек большого и глубокого ума.

Ум его, подобно алмазу, приобрел должную огранку во времена этого Великого царствования этого Великого императора и засиял благородно и сдержанно, как подобает бриллианту.

И сын покойного императора Павла I – император Николай I – нашел достойную оправу этому бриллианту – возвел графа Мефодия Кирилловича Большова в сенаторы и ввел в узкий круг своих советников, что, как сами понимаете, дорогого стоит.

И когда разразился скандал с этой голландской брошюрой... Впрочем, пожалуй, я прерву свой комментарий. И прошу прощения за каламбур, без комментариев. Замечу толь-

ко, что прежде чем к государю идти, совет ему давать, как с этой предерзкой брошюрой поступить, граф Большов долгий ночной разговор с Павлом Петровичем имел. О многом они переговори́ли и многое надумали. Но, как говорится, утро вечера мудренее!

Граф Большов шел сквозь придворную толпу в кабинет государя и сдержанно улыбался вопрошающим взглядам. А вопрошать было что. В смятение привела сия брошюрка Петербург. Все о ней только и говорили опасливо и осторожно в ожидании, что скажет о ней государь, какое примет решение. И опасения были резонные. Молод и горяч был наш император Николай Павлович. И слух прошел даже, что уже высочайший приказ отдан гвардии готовиться к походу! И одна надежда была на графа, на его мудрость. Граф не любил военных походов.

– Мефодий Кириллович, – бесцеремонно преградил ему дорогу Павел Петрович, – не забудьте, о чем мы с вами договорились. – И тихо шепнул ему на ухо: – Мне соловецкую комиссию, вам – заграничную. Не перепутайте.

– Помилуйте, князь, как я могу перепутать? – любезно возразил граф. – Долг платежом красен. Не забуду. – И, ловко обойдя князя, скрылся за дверью царского кабинета.

И предстал перед государем нашим императором Николаем I.

– Что, граф, – спросил государь Мефодия Кирилловича, – прикажете мне делать с этим? – И государь гневно швырнул

на стол сию мерзкую голландскую брошюру. – Читали?

Разумеется, граф ее читал – и ответил тотчас, без раздумий:

– Читал... превесело! – Взял брошу со стола, подошел к жарко пылающему камину (лето в Петербурге в тот год выдалось холодным), бросил ее в огонь и, глядя, как она споро загорелась, заговорил тихо, раздумчиво, мудро: – Ваше величество, не мне вам советовать, но раз вы меня просите, то я бы, по нашему обыкновению, учредил две комиссии. Первая – пусть выяснит у Ван Гротена все обстоятельства публикации сего «трактата». Не верю я, что рукопись прислана была ему из России соловецким монахом. Наши монахи по-французски не понимают, а старец Симеон, сами знаете! – многозначительно возвысил голос граф и не стал говорить, что знал государь император о старце. – Меня другое занимает, ваше величество, – тревожно продолжил он. – Что если это французский перевод «Истории» покойного князя Николая Андреевича Ростова?.. И недруги наши у французского императора его выкрали, чтобы вас с ним поссорить! – Мысли, что сам Наполеон передал сей перевод сей глумливой по дерзости «Истории» Ван Гротену, Мефодий Кириллович не допускал, хотя чем черт ни шутит?! И граф взглядом дал понять государю, что это возможно, но до выяснения всех обстоятельств он не смеет даже намекать о столь кощунственно-опрометчивом поступке французского императора.

Лицо государя просияло. Дело было ясное и потому простое: сия брошюра для того была издана, чтобы поссорить его с императором Франции Наполеоном. Дело за малым – создать комиссию и послать ее в Швейцарию, где жил издатель Ван Гротен. Разумеется, возглавить ее должен был граф Большов.

– Ваше величество, – опередил его граф – Сию комиссию, думаю, должен возглавить или сам Павел Петрович, или кто-нибудь из его ведомства. Он в этих делах лучше меня разберется. – И тонко улыбнулся: – С вашего высочайшего позволения я возглавил бы вторую комиссию для уяснения наших, соловецких, «обстоятельств». Пусть они думают, что мы поверили, что автор сей «Истории» ваш брат, старец Симеон.

– Превесело, – разразился хохотом государь и не без удовольствия еще раз повторил знаменитое словечко графа Большова: – Превесело вы мне присоветовали пустить их по ложному следу, граф! Превесело!

Да уж, замечу, превеселое дело затеял граф Большов, такое превеселое, что кровь стынет в жилах, когда вспоминаю, чем это дело кончилось.

– Ваше величество, – продолжил граф, когда они вдоволь нахохотались, – так как дел больших у моей комиссии не будет, я бы хотел попутно заняться поисками оригинала сей «Истории» князя Ростова, заодно и сундучок его сыскать.

– Сундучок? – удивленно переспросил его государь. – Сыскать? Так его же искали люди из ведомства Павла Пет-

ровича в году одиннадцатом – и не нашли!

– Плохо искали, – убежденно заверил государя Мефодий Кириллович и добавил твердо: – Я найду! И простите за дерзость, ваше величество, указ непременно на этот счет надо издать. Вот текст, если позволите, сего указа... секретного. – И граф раскрыл папку, что держал у себя под мышкой, и подал ее государю.

– Что ж, ищите, – согласился с графом государь и, прочитав указ, подписал его, сказав при этом: – Бог в помощь вам, Мефодий Кириллович. Великое дело совершите, если этот сундук найдете! – И граф тотчас поспешно удалился, будто боялся, что государь вдруг передумает – порвет сей указ, а автора сего указа, чего доброго, на Соловки отправит... в кандалах, как первейшего государственно преступника.

Текст сего указа я здесь приводить не буду, чтобы не «отягощать» свой роман документами, так что поверьте мне на слово: было за что графа на Соловки сослать. И мне удивительно, почему Павел Петрович не воспользовался этим, не растолковал государю императору, что за это не то что на Соловки, а казнить можно? Чуть было не описался – и вместо слова «можно» слово «должно» не написал.

И во сне за номером двадцать шестым я спросил его об этом.

– Да за кого вы меня, милостивый государь, держите? –

не на шутку обиделся Павел Петрович на меня. — За изверга, что ли, и доносчика? Да будет вам известно, что я по другому ведомству числюсь. — И он гордо воскликнул: — Числюсь по России! — Помолчав, добавил: — И граф Большой по России числился. Жаль, что, дурак, не по той дорожке пошел — и вычеркнут из списка.

— Из какого списка? — не понял я Павла Петровича.

— Из списка князя Николая Андреевича Ростова, — ответил он мне снисходительно и удивленно спросил: — Неужто не знаете об этом списке?

— Нет, не знаю.

— И хорошо, что не знаете! — злоеце прокричал он мне. — Целее будете.

— Целее? — удивился я — и проснулся. Потом опять заснул. И навалился на меня сон двадцать седьмой.

Снилось мне, что я сижу в кабинете старого князя Николая Андреевича Ростова и беседую с Павлом Петровичем.

— Господин Чичиков, — спрашиваю я его насмешливо, — ведь вы не все государю рассказали. Непременно утаили, что вам еще князь Ростов поведал.

— Разумеется, утаил, — спокойно отвечает мне Павел Петрович.

— А не скажете — что?

— Вам скажу, — мрачнеет вдруг Павел Петрович и говорит шепотом: — Скажу потому, что сами знаете, что он мне поведал.

– Знаю? – переспрашиваю я его и недовольно добавляю: – Опять эти ваши штучки, Павел Петрович! Что я знаю?

– А то и знаете, – горько улыбается Павел Петрович, – что если вдруг этот его сундук найдут, то всем нам в наказание исполнится, что он в «Истории Александрова царствования» в назидание потомкам написал! И что, – спрашивает гневно, – не исполнилось разве? По чьей вы Истории нынче живете?

– Так граф Большойов нашел тот сундук?

– Не знаю. И на следующий ваш вопрос тут же отвечу. Не знаю, кто нашел – и нашел ли? Но то, что князь Ростов грозил, то исполнил. На тринадцать лет отбросил всех нас назад – и мы будто сызнова жить начали – и согласно его Истории.

– Ерунду говорите, Павел Петрович, – возмущаюсь я почему-то.

– Что, – язвительно возражает он мне, – не нравится вам жить по его Истории? Так не живите. Кто вас неволит по ней жить?

Резонный вопрос. Впрочем, продолжим эту главу.

Выйдя от государя, Мефодий Кириллович на мгновение остановился, оглядел приемную залу – и нахмурился. Странно, Павла Петровича в зале не было. Но тотчас граф вошел в соображение, что не здесь же, посреди придворной толпы, расспрашивать о вещах совершенной секретности. Поди, где-нибудь в укромном месте Павел Петрович надумал

перехватить его, графа Большова.

Что ж, он готов дать князю ответ!

И ответит этому докучливому князю, что государь рассудил совсем не так, как они той ночью надумали. И на то воля царская – и обсуждению она не подлежит. Это выше его сил. Да и право, если честно, он сделал почти невозможное. Уговорил государя не посылать войска в Европу, а послать комиссию. И кто возглавит эту комиссию, государь еще не решил.

Да, не решил! Вот только папочка. Непременно поинтересуется ее содержанием. Непременно.

Мефодий Кириллович невольно ее приоткрыл, чтобы убедиться, что указ государя он подложил под чистый лист, – и пришел в несказанное, точнее – «превеселое» недоумение.

«Вы все-таки, граф, перепутали, кому какую комиссию возглавлять!» – было написано рукой Павла Петровича на этом чистейшем листе белой бумаги.

Но самое «превеселое» он прочел, когда добрался до своей кареты. От указа остались только подпись государя и печать. Сам же текст пропал, испарился непостижимым образом.

В запале Мефодий Кириллович хотел было идти к государю и показать ему сей «указ»! И пошел бы, если бы не светлая мысль, которая пришла к нему в голову: подпись государя осталась, а текст можно заново написать.

Но вот как устроил Павел Петрович этот анекдотец с цар-

ским указом? Как?

Минут десять граф пребывал в тягостных размышлениях. Наконец, он приказал кучеру ехать в ведомство Павла Петровича.

– Куда, ваше сиятельство? – не понял кучер, и Мефодий Кириллович его вразумил:

– За «Маней», орясина, дворец знаешь? Вот туда!

Ведомство Павла Петровича занимало Аничков дворец, но вот ведь народец наш каков! Модный магазин «Мужская одежда от Мани» на Невском ему более известен, чем какой-то там Аничков дворец. О ведомстве умолчу. Мало кто знал, что в этом дворце находилось самое, наверное, таинственное и секретнейшее за всю Историю нашей России, да и, пожалуй, не только России, ведомство!

Создано было это ведомство в 1806 году самим государем императором Павлом I, а возглавил его наш Павел Петрович – и потому получило оно такое двусмысленное название: ведомство Павла Петровича. И не понять, чье это ведомство – императора или Чичикова?

Впрочем, ни к чему нам понимать, чье это ведомство.

Ведомство это числилось по России!

И народец, что числился по этому ведомству, вид имел не чиновный – разбойный! И все – как на подбор – душегубного облика. А дело у них было святое – защищать Россию. И они с полным правом могли бы воскликнуть, как и Пушкин: «Числюсь по России!», если бы их спросили, по какому

ведомству они, разбойники, числятся? Но их не спрашивали.

Хотя, конечно, если бы спросили, думаю, не ответили. Чего доброго, морду набили или еще что другое с этим «любопытником» сотворили. Ведомство уж больно это было секретным!

Но были исключения. Например, Жаннет Моне. Бесподобной красоты и ангельской души была барышня. Замечу, попутно, что и Маня по этому ведомству числилась.

О Мане речь не скоро у нас пойдет, а с Жаннет мы в следующей главе встретимся. Граф не доедет до Павла Петровича. Как раз в тот момента, когда его карета будет проезжать мимо «Мани», один студентик бомбометание устроит, и он прикажет кучеру ехать к Бутурлиным.

Об этом «бомбометании» два сна от Беса со мной «приключились». И я в большом раздумье, помещать их здесь или от греха подальше... Пожалуй, подождем, подумаем еще, размещать или нет. А пока я хочу для не читавших мой роман первый выдернуть эпиграф из этого романа.

Серебряные чернила, господа студенты!

Формулу этих чернил вывел князь Николай Андреевич Ростов. Для веселых ли своих шуток или еще для чего, не знаю. Этими чернилами он писал царские указы Павла Петровича.

Напишет – крепостного своего обрядит в фельдъегерский мундир – да к какому-нибудь губернатору отошлет! Губернатор прочтет государеву

бумагу – возрадуется. Государь его или орденом наградил – или еще чего другое милостиво пожаловал. А потом опять заглянет в эту бумагу – а бумага – как белый снег. Глянет в третий раз – а там грозное царское слово! В Сибирь, а то и на эшафот – и под гильотину русскую, т. е. под насмешливое наше русское слово!

Стенограмма лекции Дмитрия Менделеева, прочитанной им, нашим великим химиком, в декабре 1905 года студентам Московского университета.

Сон четырнадцатый, от Беса

ввергнувший меня в круговорот Времени

Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных ничего *нет* чистого, но осквернены ум их и совесть.

Послание к Титу святого апостола Павла. Глава первая, стих 15

Эта разбойная (а по-другому и назвать ее нельзя) комиссия прибыла в Соловецкий монастырь в пятницу вместе с кемским урядником Марковым.

Синяк под глазом Маркова-второго уже чуток опал, но все равно глаз его еще плохо видел, и он, чтобы получше разглядеть Маньку – да и чтобы синяк от нее спрятать, норовил голову свою выставить ей в профиль.

А Семен Сизый (председатель этой разбойной комиссии) толкал Маньку в бок, чтобы и она в профиль к уряднику себяставляла. И она послушно поворачивалась – и ее коровьего размера грудь производила на урядника такое неизгладимое впечатление, что вроде бы уместный и справедливый вопрос: «А на кой хрен!.. ты ее, Семен, с собой взял?» – был не то чтобы не уместным, а просто терял свой смысл – и даже встречный вопрос выдвигал более уместный и справедливый: «А по кой хрен!.. ты это, Гаврила, спрашиваешь?» Ясное же дело, для чего Семен Маньку с собой взял.

И все же Мефодий Кириллович ему этот вопрос задал – и, разумеется, он его в более приличные формы облек.

– Превесело хотите провести тут время? – спросил он Семена Сизого, выпроводив Маньку из своей комнаты. Она, дура, и ему в профиль себя захотела показать.

– А что... нельзя? – заносчиво ответил Семен.

Он, конечно, не в сенаторских чинах ходил, но ведь тоже комиссию возглавлял. Комиссию по делу об убийстве старца Симеона Сенатского и монахов Соловецкого монастыря.

Спросите, почему сей незначительный человек комиссию эту возглавил?

Отвечу.

Павлу Петровичу поручили эту комиссию создать. Вот он ее и создал. И назначил Семена Сизого, разбойного вида молодчика, в председатели этой комиссии. Но чтобы свою скomorошью насмешку скрыть, а может, и наоборот, чтоб ее явно выпятить, он Семена из коллежских регистраторов в коллежские секретари перетащил. Через три чина Семен наш сиганул.

Во как!

И эту срамную девку Маньку Павел Петрович ему навязал. Правда, Семен не догадывался, что Манька неспроста ему под руку подвернулась. Но об этом как-нибудь в другой раз. Перейдем к описанию разговора, который произошел между нашими героями: графом Мефодием Кирилловичем Большовым, Семеном Сизым и урядником Марковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.